

Орден Лаписвива

Столичная богема была потрясена смертью скульптора Туринского. Не только потому, что «смерть от истощения» звучало пугающе, но и потому, что было непонятно, как обеспеченный человек со связями вдруг взял да и умер с голода. Война началась только за пару месяцев до этого, поэтому проблем с поставками продовольствия ещё не было, а в мастерскую Туринского, где он и умер, стояла очередь.

По Петрограду пошли разные слухи: отравился, подцепил экзотическую лихорадку, попал под порчу завистников, продал душу дьяволу... Версии были одна нелепее другой. Однако я хочу рассказать вам то, что знаю от самого Туринского.

Познакомились мы ещё в академии, и уже тогда Илья удивлял серьёзностью подхода. Меньше, чем многих, его интересовала лёгкая слава: он был настроен создавать шедевры, поэтому работал над скульптурами долго, не позволял себе халтурить и не подводил заказчиков, которых обрёл очень быстро.

Эта история началась за два года до его смерти.

Туринский как раз вернулся из путешествия по Европе и был переполнен эмоциями. Мы расположились в «Старом Дононе».

– Савва, ты не представляешь, что я там видел! Конечно, Париж, конечно, Дрезден – да ты и сам знаешь. А я встретил человека, который показал мне скрытые статуи!..

– Это как? – заинтересовался я. – Никогда о таких не слышал.

– Конечно, ведь они скрытые! Это скульптуры, что спрятаны в особых галереях, поскольку их воздействие на человека столь велико, что не

каждый выдержит. – Не дав мне и слова вставить, он продолжил. В его глазах заплясали огоньки, движения рук участились. – Совершенство этих скульптур способно вызвать у человека помешательство, а в лучшем случае – просто напугать. Они совершенны, они словно вот-вот сойдут с постаментов!.. Ты не представляешь, что это за зрелище!

– Разве? А как же Давид?

– Давид, конечно, хорош, но на фоне тех скульптур живым не кажется. Не верится, но это так.

Меня уязвила мысль, что есть такие скульптуры, а я даже не слышал о них.

– И кто же создал эти шедевры? – мне начало казаться, что Туринский меня разыгрывает.

– Неизвестные мастера ордена Лаписвива.

Заканчивая фразу, Туринский поднял руки, понимая, какой будет реакция на эти слова.

– Орден Живого камня? Ты меня разыгрываешь! Сам хоть раз встречал такое название?!

Я был раздосадован, что меня так просто одурачили. Туринский знал, над кем посмеяться: я потратил не один год жизни на изучение истории искусства и, признаться, немало гордился своими обширными знаниями.

– погоди, не злись! Я не шучу. Я видел их собственными глазами, клянусь, – Туринский вмиг стал серьёзным, – и не мог не узнать, что это за орден. Получается вот что.

Он стрельнул глазами по сторонам, наклонился ко мне и, снизив голос, начал рассказ.

– С античных времён существует общество, утверждающее, что умеет оживлять камни. Причём буквально, а не в языческом понимании... Да и не всякий камень достоин оживления! Они считают, что высеченный из

камня человек может быть оживлён, только если он идеален: красив, добр, создан с благими намерениями.

– То есть они готовы оживлять лишь идеальных людей?

– Именно!

– Интересный подход. И что же дальше?

– Они десятилетиями оттачивают свои навыки и, только получив разрешение от жрецов ордена, приступают к работе над будущим человеком. Если жрецы считают работу готовой, они забирают её и проводят обряд. Оживших людей обучают, большинство выпускают в мир, а кто-то остаётся обучаться работе с камнем.

– Ну допустим, – рассказ друга не переставал казаться сказкой. – А при чём тут тайная галерея, в которой ты был?

– При всём! Я же говорил: не каждая статуя достойна стать живой. Или в ней, или при её создании есть что-то неправильное – это видят жрецы. Но простые люди, как мы с тобой, нет! И для нас и они совершенны. Совершенны до безумия! Потому их и прячут, понимаешь?

– Мм... Чтобы мы не сошли с ума от такой красоты, что ли?

– Ну да! И от страха, что это люди, обращённые в камень!..

За время, что Туринский рассказывал всё это, он преобразился. На лбу заблестел пот, зрачки расширились – его явно захватила эта сказочная история. Я его восторга не разделял.

– Илья, в этой истории я вижу много белых пятен. Мне кажется, ты буквально понял иносказательное повествование о воспитании и самосовершенствовании, без обид. Камень в наших руках и так оживает, когда готовая скульптура вызывает у наблюдателя те или иные эмоции. Остальное же...

– Нет, ты ошибаешься! – перебил меня Туринский. – И я это докажу! Я создам скульптуру, которая оживёт!

– Сама? А как же жрецы?

– Они придут за ней. Они всегда приходят! – в запале Туринский повысил голос так, что люди, сидящие за соседними столиками, стали на нас оглядываться.

Не желая привлекать ещё больше внимания, я не стал продолжать спор.

– Хорошо, Илья, как скажешь. Последний вопрос – и больше никакого скепсиса: как же тебе удалось узнать об этом тайном ордене?

Я надеялся подловить его этим вопросом, но ничего не вышло.

– Когда я был в Праге, то заметил, что все галереи вместе со мной посещает один мужчина. И что смотрит он не на скульптуры, а на меня. Но я решил, что мне это чудится. Когда же я увидел его уже в Дрездене, сомнений не осталось: он следит за мной. А в Париже он уже сам подошёл ко мне и сказал, что является членом ордена. Он увидел моё трепетное отношение к искусству и решил, что я достоин узнать их тайну.

В этот момент я заподозрил, что друг стал жертвой каких-то аферистов, потому что поверить в такую чушь мог или ребёнок, или тот, кому затуманили разум.

– Почему же, если члены ордена следят за скульпторами, сам орден никому неизвестен? Неужели ты первый, кто рассказал о нём кому-то постороннему?

– Откуда ж я знаю! Меня это совершенно не волнует, мне важнее искусство! Так что жди – я создам статую, которая оживёт!

Я вздохнул, но спор, как и обещал, завершил.

Создав эскиз, Туринский пропал на полгода. Оказывается, всё это время он ездил выбирать камень и нашёл нужный где-то в Закарпатье.

Вернувшись, он пригласил нас, коллег и друзей, в мастерскую – оценить улов.

Камень был прекрасен! Светло-серые прожилки на белом фоне казались каналами, по которым вскоре побежит жизнь, порождённая уверенной рукой мастера, а прозрачные вкрапления придавали мрамору мягкое сияние.

Мы поздравили Туринского с удачным приобретением, обсудили творческие планы и разошлись. С того дня он всё реже и реже принимал приглашения на встречи, а через несколько месяцев и вовсе перестал где-либо появляться.

Я регулярно навещался к нему в мастерскую, но он всё меньше обращал на меня внимания, поглощённый работой. Наш последний разговор состоялся за четыре месяца до его смерти.

В тот день было довольно ясно и солнечный свет заливал мастерскую, задерживаясь на каменных выступях и изгибах, словно поглаживая их. Я в очередной раз отметил, что количество незавершённых работ осталось прежним: Туринский забросил всё, одержимый своей идеей. Оставалось надеяться, что он вернётся к ним, когда завершит скульптуру, иначе растеряет заказчиков.

Я пробрался между верстаками в угол, где он работал над статуей. Подойдя к ней, я замер: с пьедестала на меня, чуть наклонив голову, смотрела прелестная девушка. Правую руку она протягивала мне навстречу, а вторую прижимала к груди, придерживая накидку из тонкой ткани.

– Как живая! – выдохнул я. – Илья, мои поздравления!

Туринский нехотя повернулся, оглядел меня и вернулся к работе.

Я едва узнал его. С нашей последней встречи, хоть она была и недавно, он сильно похудел. Рубаха висела на нём мешком, скрывая движения. Кожа стала тусклой и серой, отросшая борода была запутана и всклокочена. Под глазами были тёмные круги, а отросшие волосы он

скрепил в хвост каким-то шнурком. Так он больше напоминал какого-нибудь, прости господи, полубезумного схимника, чем скульптора.

– Илья, ты себя совсем заморил, ну зачем ты так?

Мой вопрос, казалось, повис в воздухе, но через несколько минут я услышал тихое ворчание:

– Ничего она не как живая! Далеко ещё... Работа только началась.

Я посмотрел на статую. Волосы, складки ткани, ногти, губы – всё было проработано до мелочей. Мне показалось, у статуи были даже ресницы, но рассмотреть не хватало зрения и роста.

– Илья, здесь всё идеально! Мне кажется, тебе нужно отдохнуть – и тогда ты увидишь, что всё в порядке.

Туринский с видимым усилием сделал пару шагов к верстаку и опёрся на него.

– Нет, Савва, ты ничего не понимаешь! Я вижу её каждый раз, когда закрываю глаза. Живую девушку! Открываю, смотрю на это... И близко ещё не похожа. Она зовёт меня, ждёт, понимаешь?..

Он вздохнул и вернулся к статуе. Я какое-то время ещё понаблюдал за ним, так и не сумев подобрать нужных слов. В душе росло беспокойство, но что с ним делать, я не знал.

Не знали и наши друзья. Многие приходили к Туринскому, пытались отвлечь, убеждали отдохнуть, а потом и просто поесть – увы, ему была интересна только статуя. Стало ясно, что без помощи врачей не обойтись.

Но после того, что я застал в мастерской Туринского одним ненастным вечером, я понял: мы опоздали. Тогда я едва не сбежал, настолько угнетающей стала там атмосфера.

В помещении горело и электричество, и свечи. Они стояли вокруг статуи везде, где можно было их поставить, в том числе на незавершённых работах. Языки застывшего воска лизали верстаки, пол, мрамор – и

казалось, что мастерскую понемногу ледяными щупальцами захватывает зима. Холод, заполнивший пространство, усиливал это впечатление.

Туринский медленно ходил вокруг статуи, выискивая одному ему ведомые недочёты. Ослабевшая рука периодически выпускала скапель, и тот со звоном падал на пол.

На меня внимания Туринский уже не обращал. Он был полураздет, и на его отощавшее тело было больно смотреть. Колени и локти казались раздувшимися, щёки и живот исчезли. Покрасневшие глаза горели лихорадочным огнём. Он что-то бормотал себе под нос, но пересохшее горло выдавало лишь сиплый шёпот.

Сама же статуя ничуть не изменилась. Я внимательно осмотрел её – ничего! Вот тогда я и понял, что всё это время друг изводится в попытках превзойти себя, не в силах остановиться.

Когда он толкнул меня, чтобы обойти статую, я наконец смог оторвать от неё взгляд. Непонимание, как долго я смотрел на неё, напугало меня, но совершенство всего её облика дарило какую-то нездоровую эйфорию. Я поспешно покинул мастерскую, сдерживая себя, чтобы не обернуться. Это был последний раз, когда я видел Туринского живым.

Через две недели его нашли. Он лежал лицом вниз, в одной руке зажав долото, а второй – обхватив пустой постамент.